

Х.м. 2 00-39/237-6

Министерство образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гуманитарный факультет
Кафедра юриспруденции

ПРОБЛЕМЫ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Городской межвузовский научно-практический семинар

1–2 июня 2000 г.

Санкт-Петербург
Издательство СПбГТУ
2000

ФБ-2

только с момента предъявления обвинения. Именно благодаря помощи адвокатов очень часто дела прекращаются на предварительном следствии или в суде, а нередко изменяется квалификация обвинения. Закон должен обеспечивать такой порядок судопроизводства, который защищает человека, общество, государство от преступлений путем создания условий их раскрытия, осуждения виновных, защиты пострадавших от преступлений, установления иных гарантий, обеспечивающих претворение в жизнь правовых предписаний, а для преодоления различных нарушений в уголовно-процессуальной сфере требуется совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения. Только качественное и в срок проведенное расследование под ведомственным, прокурорским и судебным контролем обеспечивает суду возможность правильно разобраться в существе совершенного преступления, виновности или не виновности подсудимого, избрать справедливую меру наказания, а также решить другие вопросы, связанные с постановлением законного и обоснованного приговора. Но, к сожалению, до сих пор не изжиты факты таких нарушений конституционных прав граждан, как необоснованные задержания, аресты, обыски, незаконное привлечение граждан к уголовной ответственности.

Перед уголовным судопроизводством России стоят задачи по быстрому и полному раскрытию преступлений, изобличению виновных и обеспечению правильного применения закона с тем, чтобы лицо, совершившее преступление, было подвергнуто справедливому наказанию, а невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Выполнение указанных задач возложено законом на орган дознания, следователя, прокурора, и суд, эффективность деятельности которых в значительной степени обеспечивается законным и обоснованным применением мер уголовно-процессуального принуждения. Необходимо помнить и об огромной роли адвокатуры в уголовном судопроизводстве.

Принуждение, в теории права, рассматривается как необходимый элемент в механизме уголовно-процессуального регулирования, наряду с правовыми нормами, субъективными правами и юридическими обязанностями участников производства по делу, а также актами правоприменения. Наказание должно быть страшно своей неотвратимостью, а не своей суровостью. Как система юридических средств, механизм правового регулирования обеспечивает необходимое воздействие на общественные отношения. В то же время правовому государству необходимо правосудие, опирающееся на гуманный принцип презумпции невиновности, требующий чтобы вина каждого обвиняемого была обязательно доказана и не осталось бы ни малейшего сомнения. Важно также не забывать и о словах знаменитого российского юриста А.Ф. Кони о том, что “с сомнением надо бороться — и победить его

или быть им побежденным так, чтобы в конце концов, не колеблясь и не смущаясь, сказать, решительное слово — “виновен” или “нет”, и еще: “цель защиты — способствовать суду в выяснении истины доступными человеческим силам средствами и что добросовестному исполнению этой обязанности, хотя бы направленному к колебанию и опровержению доводов обвинителя, никоим образом нельзя отказывать в уважении”.

В современных условиях формирования гражданского общества просто необходимо чтобы каждый активно использовал право в повседневной жизни, работе. Но для этого адвокатская помощь должна быть полностью доступной не только обеспеченным лицам, но и всем кому она необходима, что безусловно требует поддержки со стороны государства и местных властей в том числе, тем более, что задача обеспечения доступности юридической правовой помощи должна прежде всего возлагаться на органы государственной власти. Тем не менее уже несколько лет в Государственной Думе на рассмотрении находится проект нового Закона об адвокатуре так необходимого сегодня.

Предназначение настоящего адвоката — это постоянная борьба с нарушением законности, против ущемления прав человека, за торжество справедливости, а главным оружием должны быть его профессионализм и достоинство. Адвокат должен добросовестно исполнять свои обязанности как в рамках своей профессии, так и вне их — он должен быть достойным того уважения и доверия, которого требует положение адвоката в современном гражданском обществе. И это все непременно будет способствовать тому, что престиж профессии “адвокат” и доверие населения к его профессиональной деятельности будет неуклонно возрастать в цивилизованном обществе и правовом государстве, где последовательное становление демократического гражданского общества требует и гармонизации отношений в обществе.

В.П. Горюнов

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМУЛЫ РОССИИ

Новая социальная реальность обычно предстает в двух измерениях. С одной стороны — это новый мир, с другой — новая Россия. То и другое непривычно и пугающе чуждо, то и другое требует осмысления, теоретического освещения, ориентирующего в сложившейся ситуации. Но необходимые теоретические ориентиры отсутствуют, их заменяют

рассуждения постфактум, определение некоего узора в сплетении происшедших событий и принятие его в качестве закономерности.

В контурах общемировой динамики усматриваются цивилизационные циклы, столкновения, разломы, подобные географическим контурам дрейфующих материков. Россия XX века, понимаемая в широком смысле и как империя и как Советский Союз, потерпела катастрофу, развалилась. Россия в узком смысле, т. е. как одна из бывших советских республик, находится в состоянии жесточайшего кризиса. Отношение граждан к происходящим в ней изменениям, называемым реформами, и к их исполнителям в целом сугубо негативное. "Снизу" оно выражается в отчаянных стенаниях и проклятиях в адрес конкретных реформаторов и неких абстрактных демократов вообще, конкурирующие группы политической элиты просто не дают друг другу работать, конкуренты в экономической сфере никак не могут поделить собственность, а всякого рода аналитики, обозреватели и эксперты высчитывают рейтинги и выступают с прогнозами, столь же частыми и так же теряющими смысл уже на следующий день, как и метеорологические. Социальная теория, в отличие от естественнонаучной, не объясняет практику, а идеологически обслуживает субъектов социальной деятельности в их взаимной борьбе друг с другом. Соответственно, если практическая полезность естествознания является общечеловеческой, поскольку знание природы для всех полезно само по себе, то знание законов общества как такового, напротив, не содержит какой-либо конкретной полезности. Социальное знание становится полезным тогда, когда оно учит способам ведения социальной борьбы. Умение "перехитрить" природу и умение перехитрить человека — это качественно разные умения.

Современная система отношений господства и подчинения становится предельно обобществленной, опосредствованной отношениями так называемого открытого, демократического общества, в котором формируется система постэкономического принуждения, когда насилие осуществляется даже не через собственность на средства производства, а через технологию, информацию. По сути, становится не так важно — кому принадлежат ресурсы природы, как то — кто умеет их использовать.

Отсюда и политические (с экономической подоплекой) лозунги — демократия, открытость, права человека, плюрализм и пр. Рыночные отношения становятся главным способом превращения одних общностей в средство других общностей. Для установления господства в таком обществе не надо завоевывать территории, не надо вывозить сырьевые ресурсы, достаточно иметь монополию на информацию. Главной опасностью для общности становится ее информационно-технологическая отсталость.

Россия по шкале современного уровня материально-технического развития является обладательницей больших природных богатств. Однако она не может эффективно распорядиться ими самостоятельно по

причине отсутствия внутренних источников кредитования, т. е. источников авансированного труда, необходимого, во-первых, для разработки новой техники и новых технологий; во-вторых, — для разворачивания работ по собственно добыче, переработке и дальше по всем технологическим переделам.

Объективное противоречие положения современной России состоит в том, что, став открытой, она перестала быть самостоятельной и оказалась перед угрозой распада, а в закрытом виде она обречена на застой и разложение. Здесь бессмысленно ставить вопрос о том, кто виноват, и теоретически невозможно найти ответ на вопрос, что делать? Здесь надо просто действовать, исходя из самой реальности.

Жизнь, как борьба за существование, требует оправдания, обоснования, ибо борьба за свою жизнь, так или иначе, есть борьба против другой жизни. Каждый член общности находится в условиях определенной нормативности, обязывающей его, принуждающей всей силой морали и права к определенным действиям, в том числе к жертвенности. Без этой нормативности общность не сможет противостоять давлению со стороны других общностей и вообще решать задачи по выживанию. Данная нормативность реализуется на основе определенной целевой модели, называемой национальной идеей, именем которой индивида можно побуждать, а при необходимости — принуждать, к соответствующим действиям, вплоть до актов самопожертвования.

Национальная идея есть определенное состояние духа, переживание, внутренний порыв, устремленность, готовность к действию. Предметное содержание идеи составляет собственный образ, идеальная модель своего существования, бытия, на реализацию которой направлена устремленность, внутренний порыв (с реализацией которой связано состояние духа, переживание). Это не обязательно личная готовность индивидов к практическому действию, но это одобрение, согласие, поддержка реальной устремленности, готовности к действию других, солидарность; это отсутствие внутренних мотивов, оснований для открытого сопротивления принуждению к определенному действию, невозможность явного несогласия и т. п.

Не следует смешивать национальную идею и национальное самосознание, аналогичное индивидуальному самосознанию, т. е. осознанию человеком самого себя как личности, как некоторого "Я". Национальное самосознание есть осознание себя членами исторической общности как единого "Мы", отличного от других "Мы" и воспринимаемого не иначе, как "Они". Национальное самосознание всегда присуще общности, будучи духовной составляющей ее бытия, идеологическим отражением ее геоисторической формулы. Сущность национального самосознания состоит в его направленности на обоснование исключительного права общности на существование наряду с суще-

ствованием других общностей, а при определенных обстоятельствах — и вопреки ему. Национальная идея же есть охватывающее общность переживание, вызванное чувством некой общей опасности, грозящей всем “Нам” со стороны “Их”. Это не обязательно опасность военного нашествия или экономического подчинения, это может быть и опасность духовного порабощения. Но в любом случае речь идет об угрозе уничтожения общности, будь то непосредственный геноцид или вытравливание ее национального самосознания, т. е. либо полное подавление единого чувства “Мы” и принуждение к другой самоидентификации, либо его деформация — осознание членами общности принадлежности к “Мы” как к чему-то неполноценному, второсортному, унижающему человека самим фактом такой своей принадлежности.

Следовательно, национальная идея представляет собой мобилизующий духовный порыв, направляющий усилия членов общности на ее сохранение в условиях возникшей угрозы самому ее существованию, выраженной в виде возможности как абсолютного, так и относительного уничтожения общности в качестве самостоятельного субъекта социального взаимодействия, равноправного участника борьбы за место в жизненном пространстве.

Но здесь обнаруживается противоречие между реальностью социальной дифференциации, охватывающей и сферу отношений по поводу жертвенности, т. е. по поводу выбора жертв, и мифологическим характером национальной идеи, ее иррациональностью. Указанное противоречие разрешается двояко: во-первых, и это главное, национальную идею никто не смеет открыто отвергнуть, не рискуя быть отверженным самому. От нее можно уклониться, но не явно, не демонстративно. Иначе говоря, национальная идея должна быть абсолютной. Во-вторых, подчинение идее, действительная жертвенность должны поощряться. Образно говоря, “страна должна знать своих героев”, а сам героизм должен по достоинству вознаграждаться.

Национальная идея выражает объективные интересы общности и призвана обеспечивать ее единство. В качестве средства достижения и сохранения единства общности роль национальной идеи двояка: во-первых, она является элементом общественного сознания, изначально предстающим перед индивидами, членами данной общности, как объективная данность, принадлежность объективной реальности, такой же обязательный направляющий норматив, как мораль и право. В качестве составляющей общественного сознания национальная идея присутствует во всех его элементах — идеологии, общественной психологии, морали, праве, религии, искусстве, политике и даже науке, — она задает их реальное конкретно-историческое содержание применительно к условиям жизни данной общности. Во-вторых, национальная идея, будучи нормативом, является основанием для санкций по отношению ко всему

тому, что извне или изнутри подрывает общность, включая и уклонение ее отдельных членов от выполнения своего общественного долга.

Таким образом, существование национальной идеи связано, прежде всего, с существованием определенной власти. Чем больше власть централизована, тем больше она нуждается в национальной идее, и тем более захватывающей, сильной по своему воздействию на сознание людей должна быть эта идея. Национальная идея централизованного общества необходимо превращается в государственную идеологию, задающую характер нормативности всей общественной жизни. Соответственно, в либеральном обществе национальная идея обычно ограничивается сферой общественной психологии и имеет статус предрассудка.

Следует различать национальную идею как выражение объективного национального интереса, как средство достижения единства общности и как орудие поддержания власти. Только в органическом единстве всех этих аспектов национальная идея может быть реальной консолидирующей силой, действующей в направлении создания наиболее благоприятных условий устойчивого функционирования и развития общества. Эксплуатация национальной идеи исключительно как средства поддержания власти и независимо от конкретно-исторического состояния объективной социальной реальности низводит национальную идею до примитивных националистических деклараций.

В национальной идее России всегда присутствует в качестве неправого пункта чувство исторической несправедливости. С ее устремлением, с преодолением постоянного исторического унижения и достижением заслуженного величия связываются генеральные цели российской устремленности в будущее. Выражением уверенности в собственной правоте и величии является российское великодушие, постоянная готовность помочь бывшему врагу и простить его.

Драматизм идейного дефицита в современной ситуации состоит в том, что чувство исторической несправедливости бездарно. Кто обидел и унижал Россию? В нынешнем глобальном мире с его необозримым множеством переплетений взаимосвязи и взаимозависимости не на кого указать пальцем. Россия, как это уже не раз бывало, запуталась в собственных противоречиях. Индивидуалистический эгоизм, подогреваемый извне, оказался сильнее чувства общей опасности, внутренний разлад, тотальная склока и междоусобица перед лицом экономических затруднений в одночасье разрушили великую державу. Центр при полном наборе средств властного воздействия оказался в этой ситуации абсолютно беспомощным, потому что был лишен той самой национальной идеи, от имени которой на полном основании и в полном объеме мог осуществить спасительное насилие.

Идея нынешних реформ в России — это идея эффективности, а не справедливости, это не национальная, не консолидирующая общество

идея. Россия на протяжении всей своей истории несет на себе крест реформ, — такова ее историческая судьба, обусловленная спецификой ее формулы. Современные реформы осуществляются под лозунгом раскрепощения человеческих сил и приведения общества в нормальное состояние естественных различий и свободной конкуренции. Их идея не имеет какого-либо национального смысла, из них никак не вытекает идея великой России.

Национальная идея России — это всегда антикризисная идея, программная идея спасения, выживания, возрождения. Ее главное содержание, стержневой тезис выражен в идее единства, целостности. Дело в том, что Россия расширялась вынужденно под постоянным выдавливающим воздействием с Запада, ее целостность искусственна, “рукотворна”, для ее поддержания необходим сильный центр, не просто координирующий, а именно властный. Казалось бы, индивиды могут переселяться, а регионы присоединяться к другим общностям, но они могут это реализовать только в качестве подчиненных элементов. Члены российской общности, будь то индивиды или регионы, объективно заинтересованы в ее единстве и целостности. Альтернативы единой России просто не существует. Сложность и противоречивость ситуации в том и состоит, что российская общность в целом объективно заинтересована в своем единстве, но она неоднородна по природным условиям и глубоко дифференцирована социально, и потому перед центром стоит сложная задача — найти оптимальное сочетание частной выгоды и общего интереса. Объединяющим началом, главным целевым ориентиром здесь необходимо является лидерство России в мире, только оно может компенсировать ее историческую странность и самобытность. Не в качестве лидера, просто в общем ряду стран мира, выстроенном по какому-либо формальному признаку, Россия в лучшем случае будет выглядеть загадочной, непонятной, а в худшем — просто смешной и жалкой.

В настоящее время одним из самых распространенных лозунгов является призыв к созданию в России гражданского общества. Схема рассуждений при этом по сути такая же, как и в ходе не столь давнего обсуждения проблемы построения коммунистического общества. Дескать, до него еще далеко, мы еще не созрели, вот его главные черты и детали, вот чего нам сейчас не хватает и т. п.

Гражданское общество в современном российском контексте понимается как правовое, либеральное общество, где главенствует закон, а не традиции и не привилегии, а законы творятся всеми и перед законом все равны. Иначе говоря, гражданское общество — это общество свободных, не зависимых друг от друга людей. Применительно к отношениям между общностями это означает открытое общество, когда в нем равны и свободны все, а не только члены данной общности.

Имперский вариант так называемого концентрированного общества плох с точки зрения абстрактно-гуманистических моделей развития, но он диктуется здоровым инстинктом самосохранения и выражает активное стремление к выживанию. Напротив, либеральный вариант открытого общества хорош с позиций абстрактно-всеобщей демократии, но губителен, исходя из объективной социальной реальности. Всеобщая техносоциальная формула общественной жизни, обуславливающая постоянную сосредоточенность любой общности на проблемах выживания, задает в качестве критерия истинности выбираемых путей их реальную эффективность, а не мнимую добродетельность.

Таким образом, если каждая историческая общность характеризуется особенным, присущим только ей национальным самосознанием, то далеко не все общности обременены тем напряжением духовных сил, которое можно возвести в ранг национальной идеи. Россия в этом смысле специфична, если не уникальна. Вся ее история связана с проблемами выбора и принятием судьбоносных альтернативных решений. Противостояние закручивающему давлению с Запада, компенсирующее продвижение на Юг и Восток, постоянный поиск адекватных форм внутренней организации, непрерывная внутренняя перестройка, — вот основные задачи, всегда стоящие перед Россией и требующие, во-первых, сконцентрированного до предела единства направляющей воли и, во-вторых, наличия той самой национальной идеи, опираясь на которую, направляющая воля могла бы стать реальной направляющей силой. Иначе говоря, главная функция национальной идеи в России состоит в обосновании безраздельной централизованной власти, которая во имя и от имени идеи навязывает народу свою волю, а народ, принимая идею, подчиняется этой воле. Таким образом, жизнь народа полностью оказывается в руках власти, и его историческая судьба ставится в зависимость от волевого потенциала власти.

Уже при беглом обзоре всей тысячелетней российской истории обнаруживается устойчивое содержание, преобладающие элементы национальной идеи России: объективно обусловленная идея собирания Земель в одно целое и удержания этой целостности, а также идея своего пути развития. Их идеологическим, доводимым до мистицизма воплощением стала идея величия (великодержавия) России и ее мессианской роли, в соответствии с которой она собственным примером прокладывает для всего мира дорогу истинной жизни. Эта идея в разных формах всегда доминировала, ей и сейчас нет альтернативы. Вопрос в другом — есть ли для нее объективные основания?

В условиях либерализма общество демократично. Это означает наряду со свободой частной жизни вообще, т. е. отделенности государства

от личности, еще и отсутствие иерархии элиты, которая вся представлена на одном уровне: нет наднациональной или субнациональной элиты, есть просто элита. В условиях централизма элита иерархична — в частности, региональная элита это элита второго эшелона, назначаемая сверху, и т. д. до исполнительной элиты низшего звена. Так было при царе, так было в компартии. Сейчас в России в этом плане сложилась неопределенная ситуация, для России в целом опасная. Такая неопределенность сохранится до тех пор, пока не будет единой национальной идеи, которая, являясь средством навязывания единой воли, орудием политического централизма, позволит обуздать разлагающее своеволие и своекорыстие региональной элиты. Собственно политическая борьба, как борьба политических интересов, происходит именно на элитарном уровне, масса представляет собой слепую силу, востребуемую в необходимое время и толкаемую в нужном направлении.

Национальная идея есть орудие насилия над обществом в руках властного центра, она придает ему смысл, понимаемый обществом и обеспечивающий его согласие с насилием, осуществляемым от ее имени. То есть идея «санкционирует» насилие по отношению к нарушителям освященного идеей порядка. Национальная идея «воспаряет» над обществом, и каждый его член равно оказывается в поле ее мобилизующего воздействия. Тем не менее сила национальной идеи приводится в движение и направляется господствующими элементами социальной системы, отождествляющими всеобщие национальные интересы со своими собственными интересами.

Идеи либерализма и сильного государства на первый взгляд кажутся несовместимыми. Вместе с тем, в лидирующих общностях свобода граждан и сила государства находятся в отношении прямой пропорциональности, ибо именно государство обеспечивает с помощью диктатуры закона независимость друг от друга членов общности и их привилегированное положение по отношению к членам менее развитых общностей. В России единство либерализма и государственности всегда было нонсенсом, потому что сила государства всегда означала диктатуру кого-то над кем-то, осуществляемую на той или иной социальной базе, будь то княжеская дружина, царские опричники, помещичье сословие или однопартийная система с ее диктатурой совести. И всегда эта внутренняя структура сочеталась с активной, воинствующей внешней политикой. Соответственно, реализация либерализма в России никогда не шла дальше смуты внутри и обессиливания вовне.

Образно говоря, в лидирующих общностях Европы и Америки государство опирается на предельно широкую социальную базу независимо от чередования правящих партий и динамики персональных рейтингов политических лидеров, обеспечивая действие силы закона

внутри общности и закона силы вне ее. В России то и другое умещается в границах одной общности — сила закона внутри узкой господствующей прослойки и закон силы по отношению к основной массе населения.

Удастся ли соединить либерализм и государственность в современной России? Это определится характером социальной опоры государства и содержанием внешней политики. То и другой сейчас не определить, потому что не определить главное — состав социальной базы сильного государства. Геоисторическая формула России дает очень узкий диапазон возможных вариантов, среди которых более или менее явственно просматривается композиция с преобладанием силуэтов, испещренных пятнами камуфляжа.

Таким образом, централизм в России необходим. Но не сам по себе, а опирающийся на всем понятную и всеми принимаемую идею. Вообще для России самое тяжкое преступление всегда было в посягательстве на центр, на абсолютную власть, потому что это было посягательством на идею. Сейчас такой идеи нет, и центр не может выглядеть иначе, как в виде некоего чудовища, монстра, зла. Лишенный национальной идеи, централизм неизбежно приобретает криминальный характер, что сопровождается и всеобщей криминализацией сознания.

Смена власти и смена курса в России почти всегда совмещались, будучи сугубо взаимозависимыми составляющими единого социального процесса. Для российской формулы это норма: с одной стороны, невозможность длительных циклов однотипного устойчивого развития требует частой смены курса; с другой стороны, инерционность авторитарной власти не позволяет это делать независимо от ее смены, поскольку изменение курса обусловлено изменением состава правящей системы. Наиболее оптимально такая синхронность обеспечивалась естественной цикличностью перемены монархической власти, корректируемой в случае необходимости различными формами дворцовых переворотов. Главная ценность такого механизма состояла в том, что смена курса обеспечивалась в основном изменениями в верхнем эшелоне власти и не вызывала глубинной социальной напряженности. Общество оставалось спокойным и управляемым. Система однопартийного управления в России (СССР) оказалась настолько инерционной, что полностью исключила возможность изменения курса даже при смене власти. Но в условиях социальной динамики XX века это не могло не кончиться катастрофой.

Тем не менее, и в XXI веке не просматриваются реальные признаки перехода России в ее современном виде к другой формуле. А это значит, что остаются и обязательность достаточно частых перемен в

общественной жизни, и необходимость авторитарной власти. Ясно, что нынешние демократические принципы организации власти при всей их внешней привлекательности не позволяют преодолеть тормозящего и разлагающего самоблокирования политической системы, постоянно грозящего привести к полному параличу власти и непредсказуемым социальным потрясениям.

В России все противостояние закона и справедливости, справедливости и эффективности, добра и зла во всех их проявлениях сводится к простой силовой борьбе за власть (форма господства). Побеждает не закон или беззаконие, справедливость или эффективность, добро или зло и т. д. В России побеждает сила, только она легитимна. Сила возносит человека на социальный верх, а траектория этого вознесения не имеет значения.

Нет смысла рассматривать демократию по схеме "нужна — не нужна", объективно она возможна или не возможна, исходя из действия формулы. Демократия существует только там и тогда, где и когда существуют отношения равенства, понимаемого как отношения свободных, не зависящих друг от друга людей, связанных отношениями партнерства, единого интереса и солидарности в их общем социальном противостоянии другим людям, занимающим другие позиции в социальном пространстве. Речь, в частности, идет либо о господствующих слоях в рамках одной общности, либо об общностях в целом, господствующих в системе межобщностных отношений. Соответственно, в подчиненных или замкнутых общностях (человечество в целом может рассматриваться как замкнутая общность) неизбежна глубокая социальная дифференциация, и демократия там невозможна и просто бессмысленна. Таким образом, в реформируемых или вновь образующихся общностях сначала должно быть равенство и лишь потом (на его основе, а не после) демократия. Если демократия идет впереди, то она, наоборот, создает и углубляет неравенство, после чего сама сокращается до рамок господствующих слоев.

Людям не выжить ни в одиночку, ни в состоянии войны всех против всех, они необходимо объединяются в общности разных уровней, и на каждом уровне присутствует своя идея. Национальная идея — это то, что делает всю историческую общность (страну, народ, этнос) своей для каждого входящего в нее человека. Национальная идея не примиряет людей, не устраняет, не сглаживает противоречия между ними (партиями, обществами, враждующими соседями и т. п.), она просто придавливает людей, подминает их таким образом, что все они вынуждены принять на себя этот груз.

Трезво оценивая наши (каждого из нас) отношения с Россией, следует признать, что Россия не нуждается в нашей любви хотя бы пото-

му, что это мы нуждаемся в ней. Точнее говоря, мы нуждаемся друг в друге, ибо нам не дано иного, как только жить вместе, что и означает жить в России, а любить и уважать Россию означает любить и уважать самих себя.

Российская национальная идея в конечном счете — это мечта о великой России, составляющая главный вектор российской политики. При этом величие (великодержавность) не является и никогда не было ее самоцелью, но оно всегда остается неким долгосрочным ориентиром в решении текущих проблем, вечно запутанных и противоречивых. Модель великой России по сути никогда не переходила из разряда абстрактно-стратегических в разряд конкретных, точно просчитываемых целей, но всегда служила необходимым средством решения проблем реальной действительности.

В лозунговую модель России, как передовой общности, в качестве базовых элементов обычно закладывают природные богатства, высокое качество интеллектуальных и трудовых ресурсов и несколько наработанных передовых технологий. В какой мере прорыв России в мировые лидеры реален и какие препятствия мешают этому? Исходя из методологии формулы, можно высказать ряд суждений:

При замкнутом развитии такой прорыв не получится ни технологически (быть впереди можно, лишь опираясь на всю мировую систему материально-технического развития), ни социально (не избежать глубокой социальной дифференциации). Следовательно, включение в мировую систему материально-технического и социального взаимодействия объективно необходимо. К тому же России в нынешнем глобализованном мире он просто не позволяет остаться закрытой.

Баланс прихода и расхода совокупных ресурсов жизни, при котором Россия не была бы ни "целью", ни "средством" по отношению к другим общностям, возможен лишь кратковременно.

Таким образом, авангардная роль России может быть обеспечена только при условии дополнительной подпитки извне. В какой форме и в виде каких ресурсов? Военная экспансия в обозримой исторической перспективе однозначно исключена. Остается один (пока что сугубо гипотетический) путь, вытекающий из законов материально-технической реконструкции, привлечение дополнительного интеллектуального и трудового потенциала со стороны. Проще говоря, источником дополнительных ресурсов жизни должен стать чужой интеллект и чужая рабочая сила. Вот главный предмет конкуренции будущего. Однако, к сожалению, пока что именно из России в Европу и Америку утекают мозги и рабочие руки. Более того, все шире разворачивается материальное и интеллектуальное производство непосредственно в России, когда уже не вывозится сырье, не уезжают кадры, на месте реализуется произведенная

продукция, но в итоге из России выдавливается рафинированный ресурс жизни, а остаются загрязненные территории и опустошенные души. В современном глобальном мире не обязательно завоевывать физическое пространство, достаточно навязать населению определенный образ жизни, все остальное сделают сами люди, да еще на конкурсной основе.

По своей формуле российская общность обречена на нужду в той мере, в какой она не может жить за счет других общностей ни силой оружия, ни превосходством технологий. Поэтому она всегда остается глубоко дифференцированной, и элите всегда присуще презрение к массе, стремление отмежеваться от нее во всем, кроме ее служения в качестве средства. В свою очередь, масса отвечает отношением к труду как к повинности и всячески стремится убежать от него. Дело не в природной российской лени и расхлябанности, как это трактуется в некоторых мифах о российском менталитете, а в том, что одним трудом не прожить, когда совокупное общественное производство изначально неэффективно, т. е. труд не дает положительного результата и осуществляется по принуждению в рамках отношений господства и подчинения.

В принципе можно выбрать любой сценарий развития России, поскольку общность так же обладает свободой воли и вправе распорядиться своей судьбой по собственному усмотрению, как и отдельный индивид, выбирающий для себя способ обеспечения жизни — трудом, государственной службой, бизнесом или разбоем. Стоит лишь принять соответствующее решение: можно восстановить монархию или провозгласить евразийскую республику с христианской и исламской палатами в парламенте, создать Российскую конфедерацию или, наоборот, упразднить все административные границы и разбить страну на военные округа, приватизировать реки или национализировать детей, объявить войну всему миру или распустить армию, — все можно. Другое дело, что, ставя ту или иную цель, мы должны определить степень реальности ее достижения и составить систему необходимых средств и мероприятий, исходя из вышеуказанной целостности общественного развития, давая себе при этом полный отчет о всех возможных последствиях того или иного выбора.

Но первое и главное, что мы должны сделать, — это уяснить для самих себя — что мы хотим, как мы хотим жить, памятуя о двух основных ограничениях: во-первых, соизмерять свои желания со своими возможностями, т. е. «жить по средствам»; во-вторых, не пытаться совместить несовместимое — глубокое имущественное расслоение и широкий демократизм, внешнеэкономическую зависимость страны и высокий уровень жизни народа, военную слабость и самостоятельность в системе мирового взаимодействия, экономическую целостность и политическую разобщенность, политическое единство и идеологический плюрализм при отсутствии общей идеи.

Таким образом, современное содержание геоисторической формулы России объективно предопределяет некоторые принципиальные черты ее развития в ближайшем будущем при условии сохранения целостности и позволяет переосмыслить некоторые философско-правовые положения. Сюда можно отнести следующие тезисы:

Передел собственности в России — это никогда не прекращающийся процесс. Он не достигает логического завершения, т. е. не доходит до начала этапа устойчивой социальной эволюции, в силу объективно обусловленной регулярной смены социальных систем. Так, в России было много старинных фамилий, исторически продолжительных родословных, но неизвестны предметы долговременной (переходящей через многие поколения) собственности.

Проблема регионов — это проблема центра и периферии, она свойственна только глубоко дифференцированным общностям — аутсайдерам. В лидирующих общностях нет периферии, они сами по себе — центры. А подчиненные общности — сами по себе периферия. Конечно, там и там есть внутренние различия. Но в передовых общностях они сугубо функциональны: деловой центр, зона рекреации и т. д. Тут нет социальной дифференциации, и вся система общественной жизни (коммуникации, сервис) единая. Напротив, в подчиненных общностях внутренняя дифференциация еще глубже, чем внешняя: есть правящий центр и производящая периферия или просто брошенное захолустье.

В лидирующих общностях нет левых и правых как социальных antagonистов. По существу там двухпартийная (двухблочная — при множестве разнородных партий) система, применительно к которой понятие центра бессмысленно, — функции центра часто выполняет монархия. Две партии (два блока) — это территориальные, производственные, этнические и пр. конкуренты, сменяющие друг друга у власти в соответствии с объективной цикличностью, периодичностью экономического, социального, политического развития. Смысл демократии состоит в саморегулируемой сбалансированности общественных сил, а не в их уравновешенном, но напряженном и взрывоопасном равнодействии. Идея политического центра в России как межпартийного, независимого (надпартийного) — это идея просто власти, центральной власти как абсолютной власти, которая в России никогда и не была партийной. Межпартийный центр предполагает опору на большинство политически однородного населения, но для глубоко дифференцированной России это мираж. Центр в России не имеет политических флангов, такими флангами в ней были и остаются западники и славянофилы. Для России левые и правые тоже нетипичны, их появление связано с периодами кризисов, переломов, безвластия, безвременья в XX веке.

Двухпартийная система есть проявление закона циклических колебаний власти, одна из его исторических форм, присущих лидирующим общностям, где периодическая смена власти осуществляется демократично (по крайней мере, формально) в виде всеобщего волеизъявления голосованием. В остальных общностях с их глубокой социальной дифференциацией циклические колебания власти происходят насильственно, нередко в виде кровавых переворотов. Но в любом случае имеет место народное участие, колебание народной поддержки. Природа самих колебаний власти объясняется невозможностью ее фиксирования в силу действия формулы, и в основе становления новой власти всегда лежит отвержение старой.

Общественный закон есть установленная, принятая правильность поведения людей. В отличие от него, закон природы открывается, а не устанавливается, он объективен и объективно истинен, обозначая объективный порядок предметного бытия, будучи относительным лишь гносеологически. Он не может быть правильным или неправильным, его нельзя обойти или не признать, отвергнуть. Правовой закон относителен социально и в рамках действия формулы означает борьбу. Так, для вора закон представляет собой объективную данность и условность одновременно. Он признает его как данность, но игнорирует как условность, нарушает закон тайно, главное для вора — наличие или отсутствие доказательств его вины. Напротив, революционер открыто, явно отвергает закон, не признает саму его данность в качестве закона, борется с ним. Делец не протестует и не нарушает закон, он использует его в своих интересах, находит уклонения в самом законе, приспособливает закон под свои интересы, для чего проходит во власть или покупает ее законно (лоббизм) или незаконно (коррупция). В самом безотрадном положении оказывается среднестатистический законопослушный гражданин. Закон в большей мере действует против него, ставит в жесткие рамки и почти не защищает реально. Для законопослушного гражданина в законе больше обязанностей, чем прав.

Общественная действенность, эффективность закона оценивается по шкале справедливости и целесообразности. Справедливость характеризует закон в плоскости внутренней социальной дифференциации, а целесообразность — в плоскости жизнеспособности общности в целом. Законность, целесообразность и справедливость никогда не совпадают и находятся в противоречии друг с другом. Закон в высоком смысле самого этого слова есть регулятор отношений между свободными, равными людьми в устойчивой системе социального взаимодействия. В наличии такого закона заинтересованы все полноправные члены лидирующих общностей, ибо он поддерживает социальное равновесие. В сословном обществе, в пределах привилегированных сословий, в ряде случаев бывает достаточно норм морали. При-

менительно к России такого рода понимание закона возможно лишь в абстракции, поскольку в условиях перманентного социального реформирования закон устаревает и превращается в разрушительный фактор быстрее, чем начинает действовать в соответствии со своим назначением. Объективный реформизм социальной жизни в России предопределяет доминирование целесообразности, адекватность которой, т. е. недопущение крайностей волюнтаризма и анархии, обеспечивается “хозяйствующим” централизмом.

Правовые отношения, внутренние и внешние — это игра. Вопрос в том, кто кого переигрывает при выработке законов и в ходе их применения. Применительно к России это вопрос — кто мы и кого хотим переиграть внутри и вовне? То есть, какое общество мы хотим? Но это уже вопрос не теории, а практики — вопрос бескомпромиссной борьбы.

Национальная идея так или иначе означает призыв к борьбе за существование, оправдание претензий общности на преимущественное право на выживание. Это не обязательно открытое попрание прав других общностей, но всегда отстаивание наиболее приемлемых правил игры, открыто — общеприемлемых, скрыто — ограничивающих другие общности. Может ли Россия предложить такие правила игры миру, есть ли у нее такая внутренняя и внешняя идея? Пока что Россия находится в промежуток между возможностями сильных общностей призывать к открытому обществу и необходимостью слабых общностей ограничивать доступ к ним со стороны сильных общностей. Иначе говоря, национальная идея России колеблется между крайностями национализма, духовного фундаментализма и всеобщего демократизма, плюрализма.

В России власть больше, чем власть. Власть в России — это все!

Т.А. Долгополова

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ИДЕИ МОНАРХИИ В АНГЛО-САКСОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИИ VII–X ВВ.)

История права и правовой мысли — тема общесоциальная, общегуманитарная и общекультурная, а отнюдь не узкоспециальная, сугубо юридическая. Каждый человек, который хочет и добивается права для себя и для других, кто стремится к утверждению господства права и справедливости в жизни, не может отказаться от правового опыта прошлого, недооценивать его значение для современности и будущего.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Васильев Ю.С., Снетков В.Н. Правовое обеспечение свободы слова в РФ	3
2. Пономаренко А.В. Соотношение нравственности и права на современном этапе	17
3. Бойков А. Некоторые вопросы совершенствования Закона РФ "О защите прав потребителей"	19
4. Борисенко В.М. Некоторые аспекты конституционно-правового статуса военнослужащих РФ	26
5. Бородушко И.В. Юристами не рождаются	28
6. Вергасов Г.О. Некоторые вопросы ответственности за преступления против собственности	31
7. Вергасов Г.О. Роль адвокатуры в условиях формирующегося гражданского общества в современной России	35
8. Горюнов В.П. Философия права в контексте формулы России	39
9. Долгополова Т.А. Влияние христианизации на развитие идеи монархии в англо-саксонском обществе (на примере Англии VII–X вв.)	53
10. Долгополова Т.А. Формирование маноров как формы феодальных владений в Англии в период с IX по XI вв.	58
11. Лобыничев А.В. Условия становления в России гражданского общества	67
12. Кирхоглани С.В., Петров П.М. Либерализм в России: иллюзия или реальность	75
13. Лобыничев А.В. Взаимосвязь государственно-правовых явлений с уровнем культурного развития населения	77
14. Лобыничев А.В. Особенности государственно-правового развития России. Современное состояние государственности	86
15. Муру Р.Н. Проблемы преподавания конституционного права Российской Федерации	92
16. Муру Р.Н. Некоторые проблемы терминологии в современной теории права	95
17. Муру Р.Н. Основные направления реализации принципа разделения властей в современной России	98
18. Муру Р.Н. Правовые принципы проведения военно-научных исследований в мировом океане	100
19. Пахомова Г.Ф. Лизинг: правовое регулирование в современных условиях	103
20. Попов Д.И. Правовой режим помещений, составляющих фонд творческих мастерских, и находящихся в собственности Санкт-Петербурга	109
21. Тибилов С.С. Некоторые вопросы преподавания дисциплины "Налоговое право"	116
22. Тибилов С.С. Соразмерность и индивидуализация наказания при налоговом правонарушении	118
23. Титкова Т.В. Проблемы становления правового государства в Российской Федерации	122
24. Фомичев И.К. К проблеме легализации наркотических средств	139

25. Фомичев А.В. Разделение властей и природа президентской власти в РФ	153
26. Циммерман А.Л. К вопросу об иммунитете государственных морских судов	156
27. Шило Н.Я., Котельникова Е.А. Проблема реабилитации в российском уголовном процессе	168
28. Иванов В.И. Социально-психологические особенности гомицидального насилия	175